Лит. газ. 1981, 21 окт. № 43

ЗАВЕРШАЕМ ДИСКУССИЮ

Экран сегодня: цена успеха

КОГДА в Стратфорде на Эйвоне скончался Вильям Шекспир, мир не оделся в траур, потому что творения его были мало кому известны. Добрая половина всех пьес при жизни их автора не была издана даже в Англии. Он скончался 23 апреля 1616 года, и прошло более ста лет, пока его родина, а затем и все человечество открыли величайшего гения Возрождения. В том же 1616-м в Испании, в Мадриде, будто по сатанинскому взмаху, в тот же самый день, 23 апреля, закончил свой жизненный путь другой титан литературы — Мигель де Сервантес Сааведра, признание к которому пришло много позже, чем к Шекспиру, — через два с лишним столетия.

В истории литературы явления посмертного признания писателя не так уж редки. И перед лицом Вечности писатель, которого не понимают сегодня, вправе надеяться — поймут потомки.

Иное дело кинематограф, детище XX века. Он превосходит литературу по силе единовременного или даже мгновенного воздействия на огромные массы. Но ни для кого не секрет, что кинопроизведения стареют не то что от поколения к поколению, но буквально год от года. И то, что восхищало нас каких-нибудь десять лет назад, сегодня нередко выглядит наивным, иногда даже примитивным. Запоздалые, курьезные открытия в мире кино становятся в наше время все менее вероятными. Случалось, фильмы, объявленные критикой шедеврами, уже вскоре навсегда забывались, и наоборот, все достойное вставало на свои места в кинохрестоматии рано или поздно, и, к счастью, почти всегда при жизни авторов. За примерами далеко ходить не надо.

Мало кто помнит сегодня, что знаменитая «Баллада о солдате» поначалу была причислена к неудачам и вышла на экран, что называется, без рекламы; что одна из лучших наших комедий «Берегись автомобиля» с ходу была обругана критикой. Но как в том, так и в другом случае успех не заставил себя долго ждать.

«...Для образования народа, — писал Лев Толстой, — необходима возможность и охота читать хорошие книги, — хорошие книги писаны языком, которого народ не понимает. Для того чтобы выучиться понимать, нужно много читать; для того чтобы охотно читать — нужно понимать... В чем тут ошибка и как выйти из этого положения?»

На пленуме Союза кинематографистов, посвященном проблеме «Кино и зритель», рассказывалось о том, как расстроился Василий Шукшин, столкнувшись с полупустыми залами кинотеатров, где шли его картины. Писатель, режиссер, актер, он в то время был достаточно широко известен в народе и признан в критике как зрелый, сложившийся художник. И, наверное, не жажда славы заставила его внести какие-то поправки в замысел «Калины красной», имевшей впоследствии успех всенародный.

Не многим из нас отравляют жизнь подобные сомнения. Тем более, что чем серьезней, чем злободневней тема, тем зачастую благополучнее выглядят показатели проката. Почему я пишу «выглядят»? Весной этого года в газете «Советская культура» режиссер С. Кулиш описал поселковый кинотеатр, где в основном крутится «что-нибудь стреляющее, сентиментальное или из западной жизни», а «для галочки» в отчетах на одном сеансе идет новый фильм. Несколько лет тому назад я также опубликовал аналогичный пример: сельский механик прочитывал аннотации к некоторым новым картинам, оставлял коробки нераспечатанными, а показывал вместо нового фильма старые наши или зарубежные боевики. При этом в отчетах относил цифры сборов к новому названию, чтобы не огорчать районную кинофикацию. Еще тогда я подумал: где гарантии, что приписки сельского механика больше никто не станет поправлять в желаемую сторону, что показатели эффективности новых наших картин отражаются со скрупулезной точностью по всей стране? Как это ни странно, положение не изменилось и после введения в 1978 году новой системы оплаты труда кинематографистов, в немалой степени зависящей теперь от показателей проката. Обеспечивать постоянно строгий учет и контроль по-прежнему невозможно хотя бы потому, что цифры посещений зрителями лент, выпущенных более года тому назад, вообще не учитываются. Сравните общий тираж действующего кинофонда с тиражом новых картин да просто разверните «Московскую кинонеделю» и посмотрите, сколько идет новых фильмов и сколько — более чем годичной давности. Не вводят ли в соблазн обильные цифры кинопосещений, учету не подлежащие, за их счет подправлять показатели проката новой серьезной ленты, если она недобирает зрителей?

Теперь, когда после угрожающего «отлива» 1976—1978 годов зритель вернулся в кинотеатры и прокат окреп, самое время спокойно разобраться, за счет чего это произошло, тщательно взвесить все «pro» и «contra». И хотя немало горького и справедливого высказано в последнее время в адрес многих детективов, приключенческих и вообще развлекательных лент, нельзя забывать, что работа в определенных жанрах всегда требовала мастерства куда более отточенного, чем от так называемых «серьезных» картин, где авторы иногда ловко прячутся за жизнеподобием, многозначительностью или отвлеченной поэтичностью. Ведь мастерство дается опытом, а он у большинства тех, кто снимает сегодня приключенческие ленты, весьма невелик. Работая в определенном жанре, скуку не выдашь за намерение предаться раздумьям о судьбах Вселенной. Если детектив или комедия попросту скучны, никому не приходит в голову искать за их скукой скрытые подтексты.

Но давайте на минуту оставим в покое «несерьезное» кино и присмотримся к уровню кинолент, которые принято называть, по выражению А. Митты, просто фильмами. И многое в нашей дискуссии встанет на свое место. Ибо окажется, что «ленты серьезные сдают позиции», как было замечено в самом начале дискуссии. Хочется лишь добавить, что сдают они их без боя. Если утверждение статьи «Кто последний за билетом...» о том, что «снижается интеллектуальный потенциал киноэкрана», справедливо, то следует задуматься, виноваты ли в этом кинематографисты, обратившие внимание на жанры, на зрелищную природу кинематографа, или в равной степени это обвинение должны принять на себя и те, кто творит вне всяких жанров, по старинке, как бог на душу положит.

И следовало бы поразмыслить, не помогают ли остросюжетные, комедийные, мелодраматические ленты, фильмы с определенно выраженными правилами игры обнаружить вдруг, что некоторым королям «серьезного» кино явно недостает амуниции.

Просматривая кинорепертуар первых послереволюционных лет, убеждаешься, что Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко творили в атмосфере, далекой от академизма. Об этом можно судить даже по названиям шедших тогда картин: «Красные дьяволята», «На красном фронте», «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», «Похождения Октябрины», «Луч смерти», «Минарет смерти», «Аэлита», «Крест и маузер», «Папиросница от Моссельпрома», «Закройщик из Торжка», «Комедиантка», «Банда батьки Кныша» и т. д. Лучший фильм всех времен и народов «Броненосец «Потемкин» возник в непосредственном соседстве с этим репертуаром, и с триумфом «Броненосца» сосуществование фильмов различных жанров не прекратилось, ибо разнообразие жанровой палитры экрана всегда было питательной средой для истинного художника.

Когда спустя десяток лет родились «Чапаев» и «Юность Максима», их признанию ничуть не мешали ни шумный успех «Веселых ребят», ни пестрая афиша середины 30-х годов: «Карьера Рудди», «Последний миллиардер», «Королевские матросы», «Любовь и ненависть», «Люблю ли тебя», «Горячие денечки», «Гибель сенсации», «Мяч и сердце», «Человек-невидимка», «Женитьба Яка Кнукке». Картины Васильевых, Козинцева и Трауберга спокойно потеснили самые кассовые боевики, потому что были ярко талантливыми, глубоко народными произведениями искусства. Режиссеры великолепно овладели к тому времени профессиональным мастерством, умело строили интригу, подчиняли идее все компоненты... Подобно Эйзенштейну, они не пренебрегали ни поиском выразительной детали, ни отработкой трюка. Словом, победы кино серьезного завоевывались в честном бою, не за счет отмены жанровой конкуренции.

На мой взгляд, беда сегодня не в том, что сделано много детективов или комедий, что процент развлекательного выше процента серьезного. Так было во все времена, и это не повод для особых тревог. Один из читателей газеты справедливо отмечал в своем письме убожество и бесталанность многих сегодняшних развлекательных лент. В этом досадном явлении тоже нет ничего нового: талантливые, яркие произведения в любом жанре редкость. Истинная беда в другом. Слабые, подчас безвкусные, циничношаблонные произведения, сделанные по коммерческим образцам, не встречают в последнее время должного отпора, а то и выдаются за достижения.

Года полтора тому назад председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш справедливо призывал критиков к «должной осторожности и такту» в оценке фильмов «романтических, в том числе приключенческих»: «Дальновиднее было бы сегодня вселять уверенность в художников этого направления в нашем искусстве, сочетая высокую требовательность с утверждением права художника на поиск». Серьезные критики в основном предпочли отмалчиваться. Экран 1980—1981 ломился от остросюжетных лент самого разнородного свойства, а в кинопрессе велись академические разговоры о «серьезных» фильмах, составляющих ту пятую часть кинопродукции, которую мало кто успевает увидеть даже в профессиональной среде. Журнал «Советский экран», в силу специфики ближе к сердцу принимающий проблемы проката, осторожность и такт сочетал с последовательной уверенностью, что все обстоит как нельзя лучше...

В феврале нынешнего года совет по приключенческому и научно-фантастическому кино Союза кинематографистов СССР собрал творческую конференцию, на которой выявились явные ножницы в оценке многих явлений приключенческого кино «Советским экраном» и целым рядом критиков, режиссеров, сценаристов. Наиболее показателен пример с «Пиратами XX века». Если бы картина анализировалась после своего появления столь же тактично, сколь и требовательно, то наверняка в фильме были бы обнаружены как его профессиональные достоинства, так и художественные просчеты. Однако ослепленные прокатным бумом и поспешно выданным «знаком качества» — первой категорией,—некоторые ценители попытались выдать фильм за большое достижение нашего кинематографа. Против подмены критериев искусства коммерческими восторгами выступили не только участники конференции Союза кинематографистов. В речи на Всесоюзном совещании молодых кинематографистов первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов подверг серьезной критике фильм, «сделанный с явной оглядкой на каноны коммерческого кино, где героизм определяется физическими возможностями супермена» и назвал одобрение картины близорукостью. Соглашаясь со справедливостью сказанного, считаю, однако, что это не близорукость — это позиция.

Ведь высказана же в ходе дискуссии мысль, что было бы опасным (?!) «не судить о качестве картины по зрительскому к ней интересу». Настоящая же опасность заключена как раз в обратном: судить о качестве только по цифрам проката. Опасность — в этакой уверенности, что новизна в искусстве — не плод творческого поиска, не свойство таланта видеть мир не таким, каким привыкли видеть его все, не таинство открытия прекрасного. Оказывается, новизну можно попросту организовать, успех можно запланировать и тоже организовать, а затем «тиражировать успех» «с аналогичным творческим заданием». Не напоминает ли завидная простота этих рассуждений военные прожекты генерала Вейротера из «Войны и мира» Толстого?

Бездумная подражательность некоторых лент нашего приключенческого кино была также подвергнута осуждению на творческой конференции совета приключенческого кино. С экранов порой несутся душераздирающие вопли, хрипы и стоны, льется кровь. И не идеи и характеры сталкиваются в поединках, а бицепсы и кулаки. В фильме «Поговорим, брат» поется песня: «Если на Руси ты вырос, то наверняка ты найдешь косую силу, силу кулака». Поет не персонаж, выражающий индивидуальное пристрастие к драке. Песня звучит за кадром, как лейтмотив картины.

Помнится, когда была отснята половина фильма «Белое солнце пустыни», мне были предъявлены серьезные обвинения: говорили, что я не соблюдаю законов приключенческого жанра, как их понимали тогда на «Мосфильме». Один почтенный кинорежиссер даже сформулировал, что такое жанр киноприключений: «Надо, чтобы герои стреляли с удовольствием и чтобы убитых не было жалко». Этим советом я, слава богу, не воспользовался.

Но вспоминаю о нем нередко, бывая на той или иной киностудии и видя, как наседают на молодого режиссера, снимающего приключенческую ленту: «Где специфика жанра, где интрига, что у вас герой разводит философию? Зрителю это не интересно»... Студийные редакторы словно сговорились не обращать внимания на то, что приключенческий жанр относится к области романтического, а следовательно, требует сосредоточения не столько на внешних событиях, сколько на духовном, на субъективном, в более узком смысле — на герое, на его внутреннем мире.

Вольно или невольно сторонники ничем не отягощенного приключенчества оглядываются на устаревшие образцы американского конвейера 40—50-х годов, в то время как уже в 60-х и 70-х в авантюрных жанрах США произошел заметный поворот к проникновению в духовную, нравственную область жизни героя. Впрочем, оставим в покое Голливуд. Достаточно вспомнить лучшие остросюжетные ленты нашего кино — от «Подвига разведчика» и «Смелых людей» до «Никто не хотел умирать», «Мертвого сезона» или многосерийного телевизионного флагмана «Семнадцать мгновений весны», чтобы понять, что успех тут зависел не столько от жанра, хотя соблюдалась и эта сторона, сколько от проникновения в истоки героического, в жизнь человеческого духа.

Как это ни удивительно, по сей день еще приходится доказывать, что ткань романтического несовместима с натурализмом, что отторжение тут неизбежно. Какие бы острые коллизии ни отражал приключенческий экран, мы не вправе забывать о сверхзадаче всякого искусства: помогать человеку становиться лучше, чище, добрее. Искусство, проповедующее культ физической силы, не опирающееся на духовные идеалы, не могут извинить никакие жанровые особенности.

И все-таки каковы бы ни были ошибки на путях развития тех или иных жанров, процесс, начавшийся на ниве кинематографа несколько лет тому назад, необходим, закономерен и должен принести в итоге свои плоды. Посеяны малоосвоенные, а то и вовсе незнакомые культуры, и не мудрено, что сгоряча можно добрый росток затоптать, а сорняк принять за полезную особь, отнести его к образцам для внедрения. Если справедливо было полтора года тому назад вселять уверенность в успехе, призывать благоприятствовать происходящему процессу, то столь же справедливо теперь критически осмыслить содеянное, чтобы уберечься от соблазна принять желаемое за действительное. Тут не обойтись без строгой критики, без учета общественного мнения, без споров, рождающих истину.

Самое время подумать теперь о проблемах поднятия художественного уровня малоосвоенных жанров, об углубленном постижении законов каждого из них, о практических путях совершенствования мастерства. Между тем некоторые кинематографисты даже дискуссию в «Литературной газете» воспринимают как симптом сворачивания зрелищных, развлекательных фильмов. Столкнувшись с первыми ошибками и разочарованиями, на некоторых студиях пересматривают планы. И то, что еще вчера рекомендовалось, сегодня уже кого-то смущает. И как-то постепенно прекратились разговоры о созыве Всесоюзной конференции по приключенческому кино, проведение которой с широким участием общественности намечалось в Госкино СССР на осень этого года. Соответственно новым дуновениям в Союзе кинематографистов СССР уже созревает мысль, не упразднить ли совет по приключенческому и научно-фантастическому кино...

Не рано ли поднимать тревогу?—говорят одни. Не поздно ли? — возражают другие. На мой взгляд, поднятая в дискуссии тревога окажется полезной, если не превратится в сигнал для отступления или панического бегства. «Поворот все вдруг» — команда для искусства вряд ли пригодная. И прежде чем настраиваться на очередную кампанию, не вспомнить ли мудрый совет: «Служенье муз не терпит суеты...»?

Коллаж В. СКРЫЛЕВА

«Тревога — не сигнал к отступлению. Это — повод задуматься». Так считает постановщик одного из самых популярных приключенческих фильмов «Белое солнце пустыни».

В этом номере «ЛГ» мы завершаем дискуссию «Экран сегодня: цена успеха». В ней приняли участие теоретики и практики кинематографа — режиссеры, драматурги, критики, журналисты, а также многие кинозрители, приславшие свои отклики. Разумеется, невозможно было предоставить слово на страницах газеты всем авторам более чем трехсот писем, но и те отклики, что были опубликованы в ходе дискуссии, дают представление о типичных точках зрения на актуальную — это признают почти все читатели — проблему.

Прежде всего необходимо уточнить: никто из участников полемики не ставил под сомнение правомерность существования на наших экранах развлекательных жанров, важность их развития. Критиковались невысокий уровень многих детективных и приключенческих фильмов, их ориентация на бездумное времяпрепровождение, а в отдельных произведениях — и эстетизация жестокости, чуждая самому духу и целям нашего искусства. Зрителю становится труднее встречаться с работами серьезными и глубокими, которые зачастую оказываются вытесненными конвейером развлекательных лент. Особенно это ощущается в средних и малых городах и поселках, где у зрителя практически нет выбора. Большинство читателей из самых разных уголков страны подтвердили: такой крен кинорепертуара существует.

Во многих письмах говорится об опасностях, которыми чреват такой крен. Прежде всего для молодых зрителей: они привыкают к чисто зрелищным функциям кинематографа, утрачивается вкус к искусству, ставящему серьезные общественные и художественные задачи («Моя одиннадцатилетняя внучка,— пишет педагог В. Богуславская из Чернигова,— уже не хочет идти на нормальный фильм из школьной жизни — там же, мол, ни убийств, ни погони не будет, что за интерес смотреть!»). Кассовый успех, который сопутствует сегодняшнему приключенческому и детективному кинематографу, может оказаться успехом временным, и не потребуются ли в дальнейшем более сильнодействующие средства, чтобы удержать внимание зрителя! Читатели подчеркивают, что вдумчивая, систематичная работа с произведениями серьезного искусства не рассчитана на мгновенный отклик, но именно от нее зависит успех завтрашнего дня — уровень подготовленности киноаудитории, ее отношение к кино прежде всего как к содержательному искусству.

Есть и опасность более непосредственная. Так, работник УВД из Ростова-на-Дону тов. Дмитриев свидетельствует: «Посмотрите отчеты о работе детских комнат милиции, поговорите с постовыми милиционерами, и вы увидите, что количество хулиганских поступков среди молодежи резко возрастает, когда в городе, особенно маленьком, демонстрируется фильм, подобный «Пиратам XX века» или «Ответному ходу».

Многие письма посвящены качеству зарубежных лент, идущих на советских экранах. Как правило, демонстрируются произведения развлекательных жанров, причем невысокого идейно-художественного уровня. В то же время о работах многих крупнейших мастеров мирового кино подчас можно узнать только из газетных публикаций.

Редакция получила множество самых полярных суждений о фильмах, упоминавшихся в ходе дискуссии. Это еще раз доказывает, как ошибочны были бы попытки абсолютизировать то или иное мнение, удовлетворить сразу всех зрителей. Залог успеха — в разнообразии, в создании наиболее благоприятных условий для выбора.

Необходимо отметить определенную условность самого термина — «развлекательный жанр». Мы ходим в кино, разумеется, не работать. Кино — вид развлечения. Все дело в том, что разным людям свойственно развлекаться по-разному. Одни отдыхают за чтением детектива, другие находят именно детектив утомительным, они видят интерес не в остроте фабулы, а в ходе авторской мысли, в глубине и серьезности проблематики. Должен иметь выбор и кинозритель. Между тем, подчеркивают читатели, в репертуаре не хватает разнообразия. Много «милицейских фильмов», но почти исчез жанр мюзикла, мало удачных комедий. Накатила и откатила волна фантастики, оставив в памяти два-три названия. Мало интересных образцов романтического кинематографа.

Таким образом, материалы дискуссии призывают подумать не только о судьбах серьезных фильмов, но и о путях дальнейшего развития развлекательного кино.

Абсолютное большинство авторов писем разделяют озабоченность, высказанную во многих статьях. Проявляя заинтересованность в творческом решении проблем киноискусства, люди самых разных возрастов и профессий выражают уверенность, что лучшие традиции советского кино получат дальнейшее развитие в произведениях талантливых, содержательных, активно воздействующих на жизнь.

Глубина и серьезность писем еще раз подтверждают высокий смысл ленинских слов: «...Наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство».

Редакция благодарит всех, кто принял участие в дискуссии, и надеется, что суждения, высказанные читателями и авторами «ЛГ», будут содействовать успешному решению актуальных проблем кинематографа.

ОТДЕЛ ИСКУССТВ